

УДК 94 (470)

UDC 94(470)

07.00.02 Отечественная история

Historical sciences

ТРАНСГРЕССИЯ КАЗАХОВ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕВОЛЖСКОГО ФРОНТИРА¹**THE TRANSGRESSION OF KAZAKHS OF BUKEY HORDE ON THE TERRITORY OF LOWER VOLGA FRONTIER**

Ермуханова Нагима Аблихатовна
Аспирант
РИНЦ SPIN – код: 4237-1723, ID – М – 1813 – 2016
*Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия*
E – mail: monadragona@mail.ru

Ermukhanova Nagima Ablikhatovna
Postgraduate student
SPIN: 4237-1723, ID – М – 1813 – 2016
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
E – mail: monadragona@mail.ru

Статья посвящена проблеме трансгрессии казахов Букеевской орды на территории Нижневолжского фронта. Трансгрессия на территории фронта – это способ адаптироваться к новым условиям существования. Автор статьи обращает внимание на Букеевскую орду, где в результате взаимодействия различных этносов формируется новое фронтальное пространство. Придя на новые земли, взаимодействуя с русским населением и российскими властями, казахи оказались в чуждом для них культурном ландшафте. На фоне разрушающегося патриархального уклада менялась ментальность казахов. Жители Букеевской орды трансформируются, преступая привычные им социальные нормы и рамки. Фронтальное пространство Букеевской орды изменило образ жизни казахов, они были вынуждены адаптироваться к новым реалиям. Используя архивные данные, автор статьи приводит примеры трансгрессии казахов

The article deals with the problem of transgression of Kazakhs of Bukey horde on the territory of Lower Volga frontier. Transgression of the frontier territory is a way to adapt to the new conditions of existence. The author pays attention to Bukey horde, where the new frontiry space is formed by the interaction of the various ethnic groups. Having come to the new land, and interacted with the Russian people and the Russian authorities, the Kazakhs turned out in the alien cultural landscape. Kazakhs` mentality is being changed against the background of the collapsing patriarchal way of life. Bukeyev inhabitants life was transformed by the alteration of social norms. The way of life of Bukey Horde was changed and they had to adapt to new realities. The author of the article gives examples of Kazakhs` transgression using archival date

Ключевые слова: ФРОНТИР, ТРАНСГРЕССИЯ, БУКЕЕВСКАЯ ОРДА, НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ФРОНТИР

Keywords: FRONTIER, TRANSGRESSION, BUKEY HORDE, LOWER VOLGA FRONTIER

DOI: 10.21515/1990-4665-124-100

В 1801 году на территории Волго-Уральского междуречья образовалось особое этнополитическое объединение казахов, которое осталось в истории как Внутренняя киргизская, или Букеевская орда (первое название имеет отношение к географо-этническому фактору, второе произошло от имени первого хана Букея).

Следует отметить, что термин «Внутренняя» или «Букеевская орда» в первые годы существования орды не применялся. Современные

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта»

исследователи Букеевской орды заметили, что в исторических источниках первой четверти XIX века (а именно в делопроизводственной документации) употребляются следующие определения: «подвластные Букей–султану киргиз–кайсаки» и «киргиз–кайсацкая Меньшая орда, кочующая в уральских и астраханских степях». Впервые термин «Букеевская орда» мы встречаем в служебной документации, датированной 1819 годом, а понятие «Внутренняя орда» – в источниках 1824 года. «Сами же правители нового ханства: Букей–хан, его преемник, регент законного наследника ханской власти, султан Шигай, и Джангир–хан предпочитали в своей переписке с царскими чиновниками именовать себя ханами «Малой орды». Такая терминологическая путаница продолжалась в России вплоть до 17 апреля 1828 г., пока Оренбургская пограничная комиссия своим специальным отношением к хану Джангиру не предложила ему именовать себя «ханом Внутренней орды» [12, С. 8-9]

Стоит отметить, история Букеевской орды начинается с переселения из приуральской степи казахов Младшего жуза под эгидой хана Букея на правобережную сторону Урала. «Территорию между низовьями рек Волги и Урала, где впоследствии образовалось Букеевское ханство, почти до конца XVIII в., временами, по сезонам занимали кундровские, астраханские татары и калмыки, которые вели кочевое хозяйство. В источниках того времени этот регион (районы Нарынкума и Прикаспия) именуется Астраханской степью. Здесь не было постоянных поселений кочевников–скотоводов. Отдельные казачьи и крестьянские поселения и промыслы по добыче рыбы располагались вдоль р. Урала и по берегам моря» [11, С. 21-22].

В дореволюционной энциклопедии 1899 года в статье, посвященной «Внутренней или Букеевской орде» рассматривают следующие основания образования нового этнополитического объединения казахов. Так, «причиной откочевания киргизов в эти местности были частью несогласия

между киргизами Малой Орды, частью честолюбия одного из ханов Букея, которому захотелось сделаться самостоятельным ханом. Хан Букей, сын хана Нурали, уговорил часть киргизов своего рода откочевать в русские владения, избегнув тем беспрестанных ссор со своими сородичами. Он просил позволения у русского правительства перекочевать на оставленные калмыками земли с тем, чтобы из перекочевавших составить особую орду, а его утвердить в ней наследственным ханом»[10, С. 176].

Появление нового этнополитического объединения казахов во главе с ханом Букеем на территории Нижнего Поволжья (зона Прикаспия) привело к тому, что пространство, которое осваивали представители Младшего жуза, создало особые социальные, культурные и экономические условия для существования.

Южный регион России, территория Нижнего Поволжья, зона Прикаспия являются ярким примером фронтального пространства. Эти земли исторически были пограничьем, в котором шел постоянный процесс межкультурного взаимодействия. Современные ученые берут за основу определение фронта как «контактной зоной различных этнических, религиозных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды в свою неповторимую мозаику»[15, С. 308]. Исходя из этой терминологии, мы однозначно можем назвать саму территорию Нижнего Поволжья фронтом. С другой стороны, создание Внутренней орды привело к преобразованию казахского общества, где в результате взаимодействия различных этносов (но в первую очередь русского и казахского народов) формируется новое фронтальное пространство.

Территория Букеевского ханства имела общую границу с Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерниями. Как отмечали дореволюционные исследователи, именно близкое соседство с русскими поселениями, контакты казахов–кочевников с его жителями оказали

значительное влияние на развитие этого этнополитического объединения[1, 2,13].

Современные исследователи С. Н. Якушенков и О.С. Якушенкова в статье «Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта» обратили внимание на то, что попадающие во фронтное пространство участники сами трансформируются, преступая привычные им социальные нормы и рамки[16, С. 278].

Архивные документы, посвященные Букеевской орде, содержат множество примеров, иллюстрирующих поступки казахов, выходящих за рамки их традиционной культуры и образа жизни. Приведем один из таких случаев.

В 1903 году на должность советника Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой Астраханской губернии² назначен Бахти–Гирей Ахмедович Кулманов. Но уже в июне 1906 года мы узнаем следующее: «18 мая 1906 года советник Временного совета Кулманов избран членом Государственной думы»[8, Л. 8]. Казалось, мы можем порадоваться успехам Кулманова. Однако происходящие события с участием Бахти–Гирея Ахмедовича, заставляют нас по-новому посмотреть на сложившуюся в Букеевской орде ситуацию. «Еще на предвыборных собраниях выборщиков Кулманов обусловил свое согласие на принятие звания члена Думы уплатою ему 9000 рублей денег»[8, Л. 8]. Мотивировал свое требование Кулманов следующим образом: «оставляя настоящую свою службу, он теряет обеспечивающее положение и идет навстречу неизвестному будущему, что при избрании его членом Государственной

² Временный совет Внутренней киргизской орды (1847-1917 гг) – административно–полицейское судебное учреждение, созданное с упразднением ханской власти. Совет состоял из председателя, являвшегося одним из потомков хана, 3 советников (1-го – от Министерства государственных имуществ, 2-х – от казахов). Совет подчинялся Оренбургскому военному губернатору и Оренбургской пограничной комиссии. С 1876 года перешел в подчинение Астраханскому губернатору и губернаторскому правлению. После смерти 1–ого председателя Временного совета Внутренней киргизской орды из казахов на его место назначались русские чиновники. Позже к 2 советникам из казахов были назначены еще 2 из русских. В 1917 году Временный совет Внутренней киргизской орды был упразднен и заменен Центральным комитетом по управлению ордой.

Думы он должен оставить государственную службу и потерять приобретаемые по ней права на пенсию»[8, Л. 8].

Кулманов обратил внимание на то, что «он содержал свое семейство исключительно только получаемым по службе содержанием, т. к. своих личных средств он не имеет, назначенное же членам Государственной Думы вознаграждение по 10 рублей сутки за время заседаний Думы может обеспечить лишь только его самого при дороговизне жизни в столице» [8, Л. 11]. Таким образом, предприимчивый казах предложил выборщикам следующий расчет: «уплатить ему пятилетнее содержание по занимаемой им ныне службы (кто забыл, напоминаем, 9000 рублей)» [8, Л. 11].

Выборщики согласились и большую часть денег передали Кулманову. Как свидетельствуют архивные документы, «деньги эти впоследствии будут собраны через обложение всех киргизов на сходах, причем каждое из 84-х старшинств Орды должны будут уплатить в течение пяти лет по 106 рублей, с копейками по внутренней между собой раскладке» [8, Л. 11 Об.]. Что же мы видим дальше? «Несмотря на целый месяц, прошедший со дня избрания Кулманова членом Думы, он до сих пор из пределов Орды еще не выехал, а находится где-то степи» [8, Л. 11 Об.].

Можем ли мы представить такую картину в традиционном обществе казахов? Обратимся к известному труду дореволюционного исследователя А.И. Левшина, изучающего в первой половине XIX века казахов. Первое место в казахском обычном праве, по его словам, занимает «закон возмездия: за кровь мстить кровью, а за увечье – таким же увечьем» [13, С. 367]. Ученый считал, что одной из главных проблем традиционного общества было мщение (баранта). «Зло сие состоит в непрерывных отгонах друг у друга скота и возникающих из того междоусобных драках» [13, С. 327]. Баранта – это стремление ущемленных казахов восстановить справедливость путем насильственного изъятия имущества (угон скота).

Посмел бы Бахти–Гирей Ахмедович Кулманов взять деньги и не сдержать слово, зная, что последует за этим? К тому же, не стоит забывать про значимость репутации в степи в патриархальном обществе. Смог бы жить Кулманов в степном пространстве, построенном на коммуникационных взаимодействиях и помощи друг другу, если бы обманул ожидания соплеменников? Однозначно, нет. Фронтир Внутренней киргизской орды изменил образ жизни казахов, они были вынуждены адаптироваться к новым реалиям. Им нужно было научиться жить в Российской империи. Участники фронтального пространства прибегают к трансгрессии. По сути Бахти–Гирей Ахмедович адаптировался к новым существующим порядкам. Он выбрал кратчайший путь к достижению результата в рамках нового культурного ландшафта, разрушающего рамки старой автохтонной культуры [16, С. 279]. Кулманов просто вышел за рамки традиций, принятых в традиционном казахском обществе.

Реакция на поступок Бахти–Гирей Ахмедовича была неоднозначной. С одной стороны, казахское население отреагировало негативно – недовольство по отношению к депутату Государственной думы, не покидающего родные степи ради поездки в Петербург, с другой стороны – это обращение к чиновникам Временного совета по управлению Внутренней ордюю. Председатель Временного совета пишет об этой ситуации: «Мне лично при последних моих поездках в степь приходилось слышать многочисленные сетования и ропот по поводу того, что избранный киргизами их представитель так долго не выезжает на место своей новой деятельности, тем более что в настоящее время в Государственной думе идет вопрос об устройстве в России правильного земельного пользования» [8, Л. 11 Об.]. Мы видим трансгрессию со стороны казахов. Они обращаются не к обычному праву – к баранте, а к юридическим законам Российской империи. По сути, это пример юридической трансгрессии, о которой мы еще скажем.

Вся эта ситуация вызвала неприязнь не только со стороны казахского общества, но и со стороны Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой. Когда Кулманов начал сомневаться между своей прежней должностью и назначением в Государственную думу, представители власти высказались о недопустимости сбора денег в личную пользу. «Причем я признал нужным сообщить Кулманову, свой личный взгляд о необходимости в случае желанья его занять прежнюю должность советника возвратить все полученные им от киргизского народа деньги обратно по принадлежности» - отметил Председатель Временного совета [8, Л. 24 Об.].

Кроме этого, Временный совет понимал, что и здесь нужно ожидать махинаций со стороны Бахти–Гирея Ахмедовича. «Кулманова необходимо обязать возвратить эти деньги не путем личной раздачи их по принадлежности, так как в таком случае весьма возможны будут с его стороны, обычные между киргизами фиктивные сделки с отдельными лицами, что в будущем, конечно, неминуемо вызовет много нареканий и жалоб, а через посредство Временного совета путем вноса Кулманова всей полученной суммы имеющей быть официальным порядком в ордынское казначейство в депозиты Совета» [8, Л. 24 Об.].

Из переписки Председателя Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой и астраханским губернатором мы узнаем следующее: «Однако Кулманов не только не выполнил предложенного ему условия, но выехал немедленно после моего с ним разговора в степь и до сего времени не возвращался к месту своего служения, не уведомив даже меня о месте своего пребывания. Таким образом, где находится Кулманов в настоящее время и долго ли продлится его отлучка – мне неизвестно. Прощение об отставке им не подано» [8, Л. 24 Об.]. Как мы дальше узнаем, «по дошедшим частным сведениям Бахти–Гирей Ахмедович занят

собираем подписок с обязательством не требовать с него возвращения собранных им денег» [8, Л. 28].

В сентябре Кулманов возвращается во Временный совет и потребовал продолжить государственную службу, при этом, не собираясь отдавать деньги. Так как большая часть была уже потрачена «на обзаведение своего хозяйства». К тому же он полагал, что не обязан возвращать народу деньги.

Как вы можете догадаться, в сентябре господин Кулманов был уволен. История Бахти – Гирея Ахмедовича Кулманова позволила увидеть, как казахское общество адаптировалось к порядкам, принятым в российском обществе.

Отечественные исследователи С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова в вышеуказанной статье приводят классификацию различных видов трансгрессии (сексуальная, юридическая, алиментарная, вестиментарная, ксеноморфная, лингвистическая или лексическая, хозяйственная, эдификативная), которые можно встретить на фронтальном пространстве [16, С. 280-283].

Обратимся к одной из них – юридической (или правовой) трансгрессии. Ученые приводят ее при рассмотрении действий индейцев майя, направленных на использование правовой модели испанской культуры, построенной на официальном обращении (с помощью официально податных документов в официальные судебные органы) [16, С. 281]. Они считают, что «это более редкая форма трансгрессивного поведения» [16, С. 281]. Но в случае с казахским обществом Букеевской орды это ситуация полностью противоположная.

Современники обращали внимание на стремление казахов обратиться к русским судам. «В Букеевской орде, хоть и редко встречается и третейский суд. Поспорившие киргизы или находящиеся в ссоре по поводу какого-нибудь дела, идут к уважаемому старику («бию»). И

представляют свое дело на его решение. Впрочем, современный киргиз предпочитает дать своему делу официальный ход»[2, С. 12]. Благодаря писарям, закончившим курсы в казахско-русских школах, умеющим юридически грамотно составить документы («им хорошо известны все административные и судебные порядки, они умеют научить киргиза, куда и как подать прошение»), российские власти были загружены. «Таковыми прошениями не только завален Совет (имеется в виду Временный совет по управлению Внутренней киргизской орды – примечание автора), но не редко они посылали на имя Астраханского губернатора или прямо в Министерство внутренних дел» [2, С.12].

Государственный архив Астраханской области хранит огромное количество дел, посвященных жалобам и прошениям казахов, проведем некоторые из них: «Дело по жалобе киргизов 5-го старшинства I Приморского округа о злоупотреблениях поверенного Попова при сборе с них арендной платы за землю»[3], «Прошение киргизов I-го округа 2-ого старшинства об отводе и земли»[4], «Отношение астраханского окружного суда о жалобе киргиза С. Марабаева на неправильные действия чиновника Астраханского окружного суда в ходе расследования в Орде»[5], «Дело по жалобе киргиза М. Уразакаева в астраханский окружной суд на неправильные действия депутата Бергалиева и правителя Карабаева»[6], «Дело по жалобе киргиза И. Акопиева в астраханский окружной суд на неправильные действия Карабаева»[7] и т.д. и т.п.

Все эти дела служат примером перехода от одной модели поведения, построенной на обычном праве, к другой, основанной на позициях юриспруденции. По сути, это создание новых, отличающихся от старых, социальных норм, в которые вписалось казахское общество.

Однако в этом случае есть дела, которые стоят особняком. Это обращение казахских женщин к российским властям по поводу браков, заключаемых их родителями. Обратим внимание, что современников и

представителей власти интересовал брачный вопрос казахов. Они отмечали незавидную участь девушек в этом вопросе.

Интересно прочитать рассуждения дореволюционного исследователя Н.Н. Малышева о положении дочери в казахской семье. «Печальная участь киргизской женщины начинается с того момента, когда она появляется на свет Божий невинным существом. Если у киргиза родятся дочери, то это значит, что у них появляется в руках живой товар, который нужно прибыльно сбыть. «Славу Богу и у нас есть красная шерсть», говорят киргизы при рождении девочек. Хотя невинные младенцы в колыбели не могут еще мечтать о женихах, но родители их день ото дня ждут сватов, конечно, от богатых женихов, чтобы выгодно совершить человеческий торг. Будь жених – младенец, – торг непременно состоится, лишь был бы предложен богатый калым. Если нет жениха–младенца, – вот сластолюбивый богач–старичок ищет себе невесту. Состояние есть, значит, найдутся и девушки, из которых надо выбрать самую красивую; или вот еще богач – он не довольствуется одной, двумя или даже тремя женами и сватает себе новую» [14, С. 13].

Стоит отметить, что в казахском обществе XIX – начале XX вв. существовал обычай так называемого колыбельного сговора. Л.Ф. Баллюзек писал: «говоря о киргизском браке, следует, прежде всего, заметить, что киргиз женится, а его женят, т.е. что выбор невесты не зависит не от него самого, а от усмотрения родителей, которых произвол в этом случае простирается до того, что они нередко сватают для сыновей своих невест тогда, когда и жених, и невеста еще в пеленках. Бывает даже и так, что еще не будучи отцами, друзья сговариваются между собой, для большого скрепления дружбы, породниться посредством союза будущих своих детей. И этот сговор или помолвка будущего их потомства выполняется ими непременно, если только от одного из них родится сын, а от другого дочь» [1, С. 173 – 174].

Н.Н. Малышев, изучающий обычное право казахов, приводит огромное количество дел, где женщины начинают сопротивляться порядкам казахского традиционного общества. Он специально посвятил целую главу «Из практики киргизского народного Суда. Брачные дела» заявлениям девушкам, которые отказывались от нежеланных браков.

В ГААО сохранилось дело, в котором к губернатору Астраханской губернии обращается казашка Умут Умурзакова. В десятилетнем возрасте ее отец Умурзак Джасенеков посватал «за сына Камыш–Самарской части №12 старшинства Казкея по имени Чулена» [9, Л.4]. В 1903 году, когда ей исполнилось пятнадцать лет, отец Умурзак Джасенеков выдал насильно замуж, причем бракосочетание, которое было против ее воли, совершил частный мулла №3 старшинства Таловской части Джахсимбет Джанбаев.

Обратим внимание на реакцию девушки. Вместо того, чтобы смириться с волей отца, как и положено в традиционно–патриархальном обществе, она начинает бороться против навязанного ей брака. Сперва она подает прошение на имя Председателя Временного совета [7 августа 1903 года] о «выходе [замуж – примечание автора] по своему выбору, но до сего времени [26 августа 1903 года] не получила ни какое известие, а местный правитель Чинтаев не смотря по закону на мою просьбу отказывает» [9, Л.4]. Вследствие этого смелая девушка пишет прошение на имя астраханского губернатора. «Потому почтительно прошу Ваше Превосходительство предоставить мне полный свободы на выход по своему выбору» [9, Л.4].

На этом история не заканчивается. К сожалению, этот случай будет иметь печальные последствия. «Из показания Умурзаковой, данного 25 февраля сего года [1904 год – примечание автора] помощнику правителя Таловской части и справки следственного чиновника 2 участка Киргизской орды от сего 27 сего мая, усматривается, что Умурзакова в августе месяце 1903 года ушла от мужа из Камыш–Самарской части в Таловскую, к своим

родителям и так как муж Казкеев после ее ухода, неоднократно нападал со своими родственниками на аул ее отца, при чем посредством грабежа захватил несколько голов скота и, наконец, при одном из нападениях убил 4 – месячную дочь ее брата Джанузака Умурзакова – Айганым, по просительница перешла на жительство от отца к киргизу Таловской области султану Утебалиеву и возбудила дело в Оренбургском Магометанском Духовном собрании о разводе ее с мужем» [9, Л.2].

Обращение девушки к Временному совету и к губернатору – это женская правовая трансгрессия, разрушившая нормы обычного права и являвшаяся мощным оружием борьбы за свои права.

Трансгрессия на территории фронта – это способ адаптироваться к новым условиям существования. Придя на новые земли, взаимодействуя с русским населением и российскими властями, казахи оказались в чуждом для них культурном ландшафте. Трансгрессия казахского общества – это закономерный процесс на фронтном пространстве Букеевской орды. Именно эти изменения замечали дореволюционные исследователи, этнографы, российские чиновники в своих трудах. На фоне разрушающегося патриархального уклада менялась ментальность казахов. Приведенные выше примеры доказывают, что межкультурный диалог способствуют появлению новых элементов культуры, приспособляющих участников фронта к новым реалиям жизни.

Список литературы

1. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи имевшие, а отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву. – Под ред. С.В. Юшкова. – А-А.: Изд-во АН Казахского ССР, 1948.

2. Вольферц А.Ю. Управление и суды Киргизской Орды // Памятная книжка Астраханской губернии. Издание губернского статистического комитета. Год XXI–й. Астрахань: Народная губернская типография, 1904.

3. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 113

4. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 177

5. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 179

6. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 181

7. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 182

8. ГААО. Ф.1. Оп.19. Д. 99
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 388
10. Живописная Россия. Том VII. Часть 2-я. Донско–Каспийская степная область. СПб.: Товарищество М.О. Вольф. 1899.
11. Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. – Алма–Ата: Наука, 1982.
12. История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: сборник документов и материалов /Сост. Б.Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк–Пресс, 2002.
13. Левшин А. И. Описание киргиз–казачьих, или киргиз–кайсацких орд и степей / Левшин А. И.; под общей редакцией М.К. Казыбаева. Алма-Ата: Санат, 1996.
14. Малышев Н.Н. Обычное семейное право киргизов. – Я.: Типография губернского правления.
15. Фронтир как эвристическая модель историко–культурного познания» материалы круглого стола // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2014. - №4 (41)
16. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта / Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. - №2 (39).

References

1. Balljuzek L.F. Narodnye obychai imevshie, a otchasti i nyne imejushhie v maloј kirgizskoj orde silu zakona // Materialy po kazahskomu obychnomu pravu. – Pod red. S.V. Jushkova. – A-A.: Izd-vo AN Kazahskogo SSR, 1948.
2. Vol'ferc A.Ju. Upravlenie i sudy Kirgizskoj Ordy // Pamjatnaja knizhka Astrahanskoј gubernii. Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta. God XXI–j. Astrahan': Narodnaja gubernskaja tipografija, 1904.
3. Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoј oblasti (dalee – GAAO). F. 1. Op. 2. D. 113
4. GAAO. F. 1. Op. 2. D. 177
5. GAAO. F. 1. Op. 2. D. 179
6. GAAO. F. 1. Op. 2. D. 181
7. GAAO. F. 1. Op. 2. D. 182
8. GAAO. F.1. Оп.19. Д. 99
9. GAAO. F. 1. Op. 2. D. 388
10. Zhivopisnaja Rossija. Tom VII. Chast' 2-ja. Donsko–Kaspijskaja stepnaja oblast'. SPb.: Tovarishhestvo M.O. Vol'f. 1899.
11. Zimanov S. Z. Rossija i Bukeevskoe hanstvo. – Alma–Ata: Nauka, 1982.
12. Istorija Bukeevskogo hanstva. 1801-1852 gg.: sbornik dokumentov i materialov /Sost. B.T. Zhanaev, V. A. Inochkin, S. H. Sagnaeva. Almaty: Dajk–Press, 2002.
13. Levshin A. I. Opisanie kirgiz–kazach'ih, ili kirgiz–kajsackih ord i stepeј / Levshin A. I.; pod obshheј redakcieј M.K. Kazybaeva. Alma-Ata: Sanat, 1996.
14. Malyshev N.N. Obychnoe semejnoe pravo kirgizov. – Ja.: Tipografija gubernskogo pravlenija.
15. Frontir kak jevrsticheskaja model' istoriko–kul'turnogo poznaniја» materialy kruglogo stola // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. - 2014. - №4 (41)
16. Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. Transgressija v uslovijah geterotopnyh prostranstv frontira / Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2014. - №2 (39)